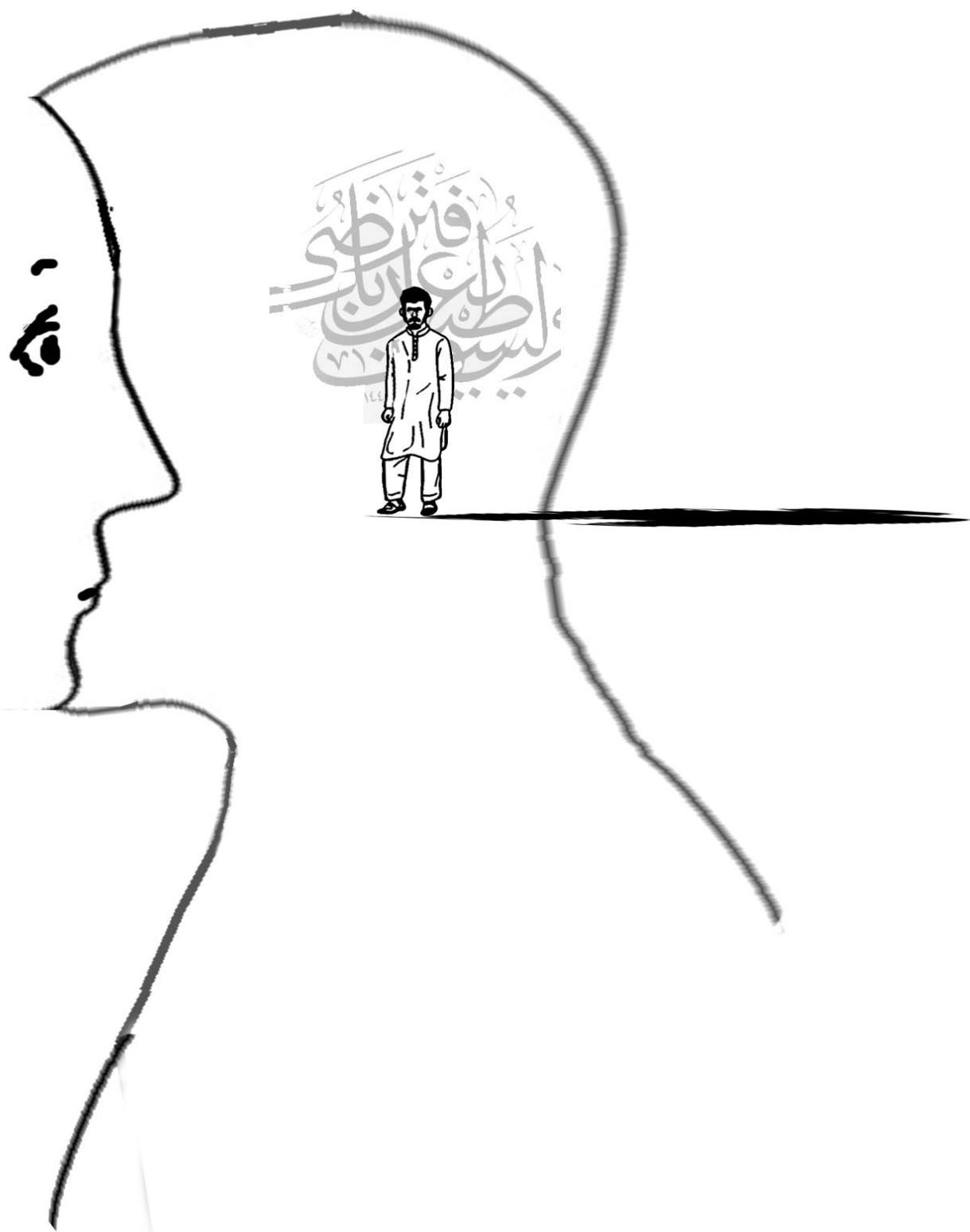

Ḥakīkīyatun-nabī

Семен Грила

Пакистанец

Симулякры и дополнения — вот и всё, что осталось из всего бывшего сущего. Матусевичу всегда казалось, что, сбрасывая с себя хомут повседневности, он из ненастоящего перелетает в настоящее. Наоборот, полёт был приятнее: просыпаясь, он заставлял ещё обрывки того вечного, что происходило с ним там, в ипостаси короля духа — свободного победителя и товарища всем великим.

Вот такой он был. Простой Матусевич.

Демонстрация. 1 мая. Транспаранты. Флаги. Молодые лица. Все молодые. Без морщин. Идут рядами. Кто-то кричит с трибуны. В ответ кричат «ура». Все довольны. Солнце светит. Люди расстегивают куртки, снимают свитера. Смех. Много смеха.

А это уже прошедшие колонны рассасываются по подворотням, улицам, дворам. Они свободны. У них целый день.

Начнётся жизнь. Не демонстрация — жизнь. Шумная часть будет до вечера течь, а потом начнётся тихая: на кухнях, в спальнях, на лестничных клетках. Тихо курят. Тихо спят. Тихо.

Хороший сон. Матусевич сел на кровати и долго ещё смаковал ощущения. Хорошо. Встал. В туалет. Потом на кухню. Попил воды. Почесал в трусах. Вернулся в комнату, лёг и заснул до утра — без воспоминаний и без сновидений.

Маленький мальчик одиноко сидит на крыльце. Деревянный дом. Лето. Одуванчики одолевают. Жарко. Солнце светит. Похоже, полдень. Мальчик сидит так давно, но ему не скучно: он занят на самом деле. Он рисует карту местности по памяти — окрестные улицы, дома, дворы, номера и названия улиц, киоск с газетами.

Всё описывается подробно. Стратег. Инвентаризатор. Рисует и пишет примечания, расшифровывает. Кошка не интересуется. Ворона не интересуется. Материальный мир должен быть неподвижен. Именно такой нужен мальчику мир. Замрите все. И я вас сосчитаю — что-то вроде этого.

Матусевич лежал на спине и глядел в потолок. Сон струился в нём, хотя он уже не спал. Он смотрел на мальчика глазами кошки, потом вороны и не понял, почему мальчик сидит на крыльце — не в доме за столом, не на кровати в своей комнате. «Что он тут делает на крыльце?» — Матусевич не понимал. Покачал головой, сел на кровати и почесал затылок. Снова лёг и уставился в потолок. Мальчик не отпускал. Матусевич сдался и закрыл глаза.

Педали. Ноги иногда соскальзывали, и тогда он терял равновесие. Он завидовал тем, у кого педали были со специальными держателями. Но такие велосипеды были дорогие — просто мечта. Он ехал вдоль дороги: большие машины заставляли его крепче держаться за руль. Волна, идущая от них, делала пространство слишком материальным. Физика прямо наглядно давала урок имени себя. Волны — они не только в воде. И воздух — это тоже стихия. Весело ехать с горы — и совсем другое дело в гору. Тут время тоже даёт свой урок.

Терпение. Время, как и грузовик, плотное в гору и совсем неплотное, когда ты едешь вниз.

Накопление и потребление. Потом его тошнило. Надо кушать. Муть в голове не проходила. Он остановился и лёг в траву у дороги. Божья коровка, бабочка, кузнечик... Матусевич решил, что это он,

но тут парень повернулся — и оказался его школьным учителем математики, Павлом Петровичем.

Матусевич расстроился и до утра не смог больше заснуть. К чему этот велосипед и математика? Херня какая-то...

Матусевич был нормальным членом общества, гражданином. Он работал сторожем на складе ГСМ в небольшом городке средней полосы. Народ вокруг был разношёрстный, но дружил он с пакистанцем — и это была не кличка, а национальность. Почему так вышло, он не знал. Просто он любил поговорить, и парень из Пакистана оказался приятным собеседником. Он молчал и иногда даже, как казалось Матусевичу, улыбался. С другой стороны, больше разговаривать особо было не с кем. Кому скажешь про разговор с Огинским, который рассказывал ему, как он написал свой знаменитый полонез? Кого это могло заинтересовать? И куда бы привёл Матусевича такой интерес, если бы сформировался? Вот. Поэтому беседы их по вечерам длились практически бесконечно — пока кто-то из них не засыпал. В этом случае, конечно, было неудобно.

Механизация. Фильмы. Песни. Всё это мифотворчество переплелось. А стройки! Это же невероятная юность бытия: надежды, будущее. Смотрели, не отрываясь, на восход, дрожали не от холода — от предвкушения.

Он снился себе в ролях героев кинофильмов. Однажды он был кубанским казаком — скакал верхом прямо за ней. Она была ослепительная. Он так хотел её догнать — и просыпался. Такой сон был часто, пока однажды он её не догнал. Матусевич не любил вспоминать этот момент и никогда этот сон не рассказывал другу-пакистанцу.

В комнате было много людей. У стола сидела девочка и собирала кубики. У неё не получалось: чего-то не хватало. Она тихо плакала. Все хотели помочь, но она ждала маму и твёрдо всех ненавидела — всех, кто пытался помочь. Они не понимали.

Она знала: мама поможет, и только она. Все остальные не смогут. Она не доверяла всем им вместе. «Кто они против мамы?»

Матусевич ворочался во сне и звал маму — чтобы она пришла, помогла, защитила. Он весь вспотел. Белье стало влажным, воздух — спёртым. Он кричал, но не слышал. Мама что-то говорила ему в ответ — он прислушивался, прислушивался — и проснулся. Вынырнул и стал хватать ртом воздух. Рыба, наверное, так же хочет надышаться, хотя она ведь имеет жабры.

Матусевич сел. «Жабры? На кой чёрт мне жабры?» Он утёр лоб, встал, снова сел. Голова кружилась. Лёг, закрыл глаза. Опять та комната. «Нет, нет, нет...»

Проворочался до утра, проспал на работу. Пакистанец был недоволен.

Он вёл за собой косяк птиц. Какие это были птицы, он не до конца понимал. Но чай не вороны, гордо думал он. Может, журавли или, на худой конец, утки. Они летели уже несколько часов: сначала над Болгарией, а потом почему-то пошли сплошные льды. Антарктида, похоже, подумал Матусевич. Он в школе любил географию, ролики на YouTube и всё такое, связанное с забавными случаями на природе. Поэтому он не просто летел — он был вожаком. Он вёл за собой свой народ. Куда? Это вообще не имело значения. Значение имело только — доведёт или нет. Если да, то герой, если нет — лучше не вспоминать.

Они летели, и Матусевич подустал уже, да и кавалькада его тоже подавала признаки нежизнеспособности — надо было садиться. Но льды... Замёрзнем, размышлял он. Но ненадолго можно, говорила утка.

Утка была такая обаятельная — или Матусевич устал, неизвестно. Но приземлились на льдину. Он подвернул ногу, нога распухла, вокруг суетились люди. Он поднял голову и увидел своих родных механизаторов и улыбку его пакистанца. А, я сплю, понял Матусевич и робко помахал им всем рукой.

— Не рыпайся! — крикнул кто-то и накрыл его простынёй.

Фу! Оказывается, Матусевич летал в кровати и промахнулся при приземлении. Он лежал на полу, сверху лежала простыня.

Матусевич кое-как поднялся и пошёл в туалет. Сидя на унитазах, он задумчиво глядел на стену перед собой или на дверь — ну, неважно. Почему всё-таки сели на льдину? — думал он. Это неправильно.

Он вернулся в кровать. Его мутило. Зыбкий сон сковывал. Он был и там, и тут. Утки были совершенно несговорчивые: они не верили, что нельзя жить на льдине. У него не хватало слов — тем более что он не знал немецкого. Откуда взялись эти утки? — опять подумал он. Ведь я журавль. Бред какой-то. Он закурил. А! Ведь я не курю! — подумал он. А! — сказал Матусевич, открывая глаза. — Эту шутку я знаю.

Но на работу Матусевич опять опоздал.

Он сидел в своей каморке и смотрел через окно, как пакистанец идёт в сторону выхода с их базы — маленький, щуплый и такой далёкий. Откуда он вообще у нас взялся?

Может, он мне в чай чего-то добавляет? И почему он мне никогда не снится? Надо бы его спросить при случае.

Мысли скакали, как зайцы — такие тупые мысли и такие маленькие зайцы. Я прям как дед Мазай. Впрочем...

Тут пакистанец оглянулся.

Он меня подслушивает, испугался Матусевич.

Этот мужик сумасшедший, подумал пакистанец, надо с ним поаккуратнее быть. Мало ли что. Вон как смотрит.

Пакистанец, пакистанец, пакистанец. Откуда он взялся? — думал Матусевич, барабаня пальцами по столу. Стаканы позвякивали. Прелесть что за день.